

УДК 008 : 908(470.331)

**ОБ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ «В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ»
(Р. Р. ГЕЛЬГАРДТ)**

М. В. Строганов

Тверской государственной университет
научно-исследовательский Центр тверского краеведения и этнографии

В статье анализируется научное наследие известного филолога Р. Р. Гельгардта в связи с проблемами пространствоведческих исследований: картографирование культуры, краеведение и его отличие от других направлений пространствоведения (провинциаловедение, областничество, локальные тексты).

Ключевые слова: *пространство как носитель культуры, провинциаловедение, краеведение, Р. Р. Гельгардт*

Мы считаем обычно, что современные исследования пространства как носителя культуры, которые столь активно развились за последние 10 – 15 лет, являются новым словом в гуманитаристике. Исток этих исследований мы возводим к известным работам В. Н. Топорова и текстуализацию пространства полагаем одним из проявлений радикализации филологии как новейшей тенденции нашего времени [1]. Между тем мы совершенно не учитываем, что в отечественной и зарубежной гуманитаристике 1910 – 1930-х гг. изучение культуры «в географической проекции» было одной из самых главных тенденций. Забвение это, в принципе, объяснимо: эти тенденции развивались преимущественно в Германии (анализ немецких исследований в этой области см.: [10, 11, 12]) и России. Но эти научные направления были связаны с децентралистскими тенденциями в культуре, а в Германии и России установились в то время тоталитарные режимы. Вследствие этого данные научные направления во второй половине 1930-х гг. были свернуты и научная традиция прервалась, в большей степени в Советской России, в меньшей – в Германии. Возрождение этих научных направлений в 1990-е гг. началось в России как бы с нуля, поэтому сейчас очень важно восстановить ту историческую перспективу, в которой современные исследования пространства как носителя культуры и могут быть оценены.

В этом отношении научная деятельность Р. Р. Гельгардта оказывается очень важной для нас, и к анализу некоторых его работ мы и обратимся. Речь пойдет о шести его статьях, опубликованных в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., и одной работе, напечатанной уже конце 1950-х гг. Этот перерыв, как можно легко понять, объясняется именно усилением тоталитаризма во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг., которое свело на нет исследование пространства как носителя смысла.

Научную работу в этой области Р. Р. Гельгардт начал еще во время обучения в Тверском пединституте [18]. Как известно, первым его печатным трудом была статья по истории тверской фольклористики [2]. С докладом на эту тему он выступал в 1926 г. в фольклорной секции Государственной академии художественных наук, и как следует из примечания к статье, эта работа была

выполнена под руководством Ю. М. Соколова. В том виде, как эта работа была опубликована, она не имеет очевидных признаков «пространственной методологии». Но сам Р. Р. Гельгардт в 1935 г. так вспоминал о своем «опыте картографической работы»: она была «проведена при живом консультативном участии Ю. М. Соколова» [6, с. 14]. А метод работы он изложил следующим образом: «Нами был учтен весь печатный и рукописный материал, записанный в пределах быв. Тверской губ. Нанесение на карту условных обозначений показало обширные районы на севере и в северо-западной части быв. Тверской губ., куда ни разу еще не ступала нога собирателя, фольклориста-краеведа. Эта карта была в полном смысле „экспозицией белых пятен“» [6, с. 14]. Мы можем, таким образом, рассматривать первую статью Р. Р. Гельгардта как текстовый комментарий к карте, отражающей степень фольклористической изученности региона.

Следует заметить, что в это время появлялось достаточно много подобного рода карт. В статье «К вопросу о картографировании фольклора» Р. Р. Гельгардт называет ряд публикаций, в том числе карту, приложенную к сборнику Б. М. и Ю. М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (1915), карту, составленную А. М. Смирновым-Кутаческим [14]. Мы со своей стороны отметим, что материалом к подобного рода карте был и Указатель текстов к сборнику тверского фольклора, который подготовила М. И. Рожнова в качестве дипломной работы, выполненной в Твери под руководством Ю. М. Соколова. Тексты в этом Указателе перечислены по уездам и волостям, а внутри них – по населенным пунктам, в которых они были записаны. Это уже была бы карта не степени фольклорной изученности региона (как у самого Р. Р. Гельгардта), а карта распространения фольклорных текстов. К сожалению, эта новаторская работа в свое время не увидела света. Однако, если учитывать, что дипломная работа М. И. Рожновой была защищена в январе 1929 г., а Р. Р. Гельгардт свое дипломное сочинение защитил в сентябре того же года, знакомство его с данной работой сомнений не вызывает.

Следует добавить, что уже в период обучения в пединституте Р. Р. Гельгардт получил огромный опыт практической работы. Так, в статье, написанной в соавторстве с В. И. Чичеровым – «К вопросу об экспозиции фольклора (фольклорно-краеведные выставки-передвижки)», он писал: «В период 1925—1930 гг. ежегодные отчетные выставки краеведных, в том числе и фольклорных, материалов устраивались краеведческим кабинетом Тверского (Калининского) пединститута под руководством проф. Ю. М. Соколова и проф. А. Н. Вершинского» [5, с. 42].

Итак, мы сейчас видели тот непосредственный контекст, в котором формировались научные принципы «культурного картографирования» Р. Р. Гельгардта. Если же мы хотим вписать это «культурное картографирование» в более широкий фон, мы должны учесть следующее. Вообще то «советское краеведение», о котором так много и с таким пафосом писал Р. Р. Гельгардт в 1930-е гг., было на самом деле наследником дореволюционного краеведения, которое сформировалось в России на рубеже XIX – XX вв. в рамках земской деятельности. Именно земство выдвинуло из своих рядов наиболее крупных ученых, занимавшихся историей культуры своего края, многие из которых продолжали свою научную деятельность и в советское время. Таким был, в частности, тверской историк А. Н. Вершинский, друг и коллега Ю. М. Соколова, один из тверских учителей Р. Р. Гельгардта (См. об этом: [18]. В ГАТО хранится личный фонд Р. Р. Гельгардта: [13, с. 44]). Учитывать «земские» корни краеведения тем

более необходимо, что именно против этих представителей «прошлой» науки и ополчилась в первую очередь советская власть, когда начала подвергать репрессиям краеведение в целом. Дело в том, что земская деятельность как таковая предполагала развитие самоуправления на местах, предполагала известные демократические свободы и самоценность каждого отдельно взятого региона, что оказалось несовместимым с централистскими тенденциями политики большевиков. И именно поэтому краеведение казалось советской власти столь опасным противником.

Изучая место работ Р. Р. Гельгардта в этом идеологическом движении, нельзя не заметить, что некоторые положения этих работ вступают в очевидное противоречие с тем, как, согласно нашим представлениям, должно было бы позиционировать себя краеведение. В статьях 1934–1935 гг. Р. Р. Гельгардт постоянно пишет о необходимости руководства краеведческим движением из определенного центрального органа. Эта тема является определяющей в статье о Центральном бюро краеведения в его соотношении с Академией наук [4], главной проблемой которой является «отсутствие единого центра планирования (а следовательно, и учета) научной работы» [4, с. 4]. Именно в «отсутствии методического руководства» Р. Р. Гельгардт видит корни практически всех неудач краеведческого движения [5, с. 41]. Создается, таким образом, очевидное *qui pro quo*: на краеведение, которое родилось и сформировалось в результате развития провинциальной самодеятельности, насильственно надевались детские помочи столичных руководящих органов. А эти руководящие органы, разумеется, получали статус неприкосновенного и непререкаемого авторитета, не просто вещающего истину, но также раздающего лицензии на само право существования, индульгенции на отпущение грехов и разрешения заниматься тем ли иным объектом. И это говорил тот самый Р. Р. Гельгардт, который был воспитан в Тверском пединституте А. Н. Вершинским и Ю. М. Соколовым и который должен был, казалось бы, понять их право быть вполне самостоятельными исследователями и руководителями краеведческого движения, свободными от подчинения каким-либо вышестоящим органам.

Но, зная всё это и даже признавая значение их работы в своих печатных трудах, Р. Р. Гельгардт, тем не менее, пытался совместить краеведческую самодеятельность с централистскими тенденциями. Это приводило к появлению режущих современное ухо политических формулировок в духе руководящей линии партии. Например: «Широкие исторические построения на конкретном материале непосредственно в местной „живой среде“, активное участие в строительстве национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, задачи *краестроительства* связывают яфетидологию с советским краеведением в части его исторических и культурно-бытовых задач» [7] (см. также [3]). Или еще: «Научное руководство Академии наук, „оторванное“ в этот период от политики, создавало в работе краеведческих организаций несомненный уклон в сторону „академизма“. Не „изучение современности и прошлого для того, чтобы осознать и социалистически перестроить существующие социальные формы“, а изучение главным образом прошлого (архивно-археологический буржуазный уклон) для того, чтобы в лучшем случае скрыться от современности, или для того, чтобы замаскировать „краеведной работой“ классово враждебные действия, в худшем — таково было преобладающее направление краеведной работы на местах» [4, с. 6]. Эти конструкции отзываются не научной добросовестностью, а партийными чистками, к которым, как мы знаем, сам Р. Р. Гельгардт не имел ни

малейшего отношения. Тут (в известной мере в оправдание Р. Р. Гельгардта) мы должны заметить, что те же А. Н. Вершинский и Ю. М. Соколов сами были не чужды подобной фразеологии, хотя их жизненный опыт и сложившийся еще до революции склад мысли должны были бы еще в большей степени, нежели молодого еще Р. Р. Гельгардта, оградить их от этих влияний времени.

Однако осуждать сейчас этот язык было бы слишком наивно и опрометчиво. И статьи Р. Р. Гельгардта интересны нам вовсе не своим историческим балластом, но теми продуктивными посылками, которые в них содержатся. Что бы ни писал Р. Р. Гельгардт о задачах краеведения, как бы он ни старался вписать его в советский стандарт, его толкования всё равно не укладывались в рамки нормы, как не укладывалось в рамки нормы и краеведение как таковое. Журнал «Краеведение» издавался с 1923 г., с 1925 г. параллельно с ним стал выходить журнал «Известия Центрального бюро краеведения», в 1929 г. оба они были закрыты. И с 1930 г. вместо них стал издаваться журнал «Советское краеведение», но и он просуществовал только до 1936 г. В 1937 г. деятельность краеведов запрещается, а многие из них были репрессированы (об истории этих изданий см. [20]). Статья Р. Р. Гельгардта «К вопросу о картографировании фольклора» (1935) имела подзаголовок «Очерк первый». Но очерк второй так и не появился в печати [15, с. 535–541].

Поэтому не удивительно, что со второй половины 1930-х гг. Р. Р. Гельгардт совершенно не касался этой тематики и вернулся к ней только в самом конце 1950-х гг., когда страна уже переживала послесталинскую «оттепель». В это время научные интересы Р. Р. Гельгардта переносятся из области фольклора в область языка, что и определяет появление его статьи «Литературный язык в географической проекции» [8; 9, с. 240–253], указывающей на роль «фактора пространства» в формировании не диалектов, как можно было бы предполагать, а вариантов литературного языка. Над «географией русского языка» задумывался еще И. И. Срезневский [16], однако научной традиции исследований того, как «обширность и прерывность территории распространения языка» предопределяют формирование местных вариантов языка, различающихся особенно на уровне лексики и орфоэпии, в России так и не сложилось. И если сейчас мы имеем диалектологическую карту России, то не только литературных, но даже обобщающих фольклорных карт страны нет и в ближайшее время не появится: уровень не только краеведческого знания, но и обобщающей краеведческой мысли пока еще весьма невысок. Следует сказать, что и на Западе литературные атласы до недавнего времени отсутствовали. См. первый проект подобного рода: [1]. См. нашу рецензию на это изд.: [17]. В 2004 г. РГНФ объявлял конкурс на создание литературных карт регионов России, который в некоторой степени стимулировал процесс культурного картографирования.

Со времени публикации статьи «О литературном языке в географической проекции» прошло уже более 50 лет. Говоря теперь о значении этого давнего опыта изучения культуры в «географической проекции» для нашего времени, нельзя не заметить, что наши современные разыскания в области культурного пространстведения касаются либо социологии пространства (провинциаловедение), либо мифологии пространства (локальные тексты), либо (но гораздо реже) политологии пространства (областничество). Значение краеведческого опыта прошлых лет, в том числе и очень ценного краеведческого опыта самого Р. Р. Гельгардта, состоит в демонстрации преимуществ краеведения как особого метода изучения пространства как носителя культуры. А

преимущество это заключается в том, что краеведение лишено тех претензий, которые имеют другие подходы к изучению пространства. Во-первых, краеведение чуждается политологических выводов из анализа специфики пространства, как это свойственно областничеству. Во-вторых, оно лишено социальных амбиций столицы или провинции, столь очевидно выражающих себя при изучении пространства с позиций провинциаловедения. Наконец, в-третьих, ему не свойственна и исследовательская субъективность, неизбежная при изучении локальных текстов, когда исследователь сам оказывается предварительным мифотворцем того мифа, который он потом преподносит как реальность культурной жизни. Краеведение, как я уже писал, «проще», оно беспретенциозно [19]. Но именно в этой беспретенциозности и состоит его сила, в ней-то и заключается значение его как метода, способного организовать изучение пространства как носителя культуры. И тут опыт Р. Р. Гельгардта крайне необходим.

Список литературы

1. Атлас литературы. 500 лет литературы: от Данте до Солженицына; ред. М. Брэдбери. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 352 с.
2. Гельгардт Р. Р. Очерк истории собирательских работ в области фольклора в Тверской губернии // Известия Тверского педагогического института. 1928. Вып. IV. С. 87–96.
3. Гельгардт Р. К вопросу о методике полевой музейно-собирательской работы: Опыт краеведческой экспедиции // Советское краеведение. 1933. № 4. С. 5–15.
4. Гельгардт Р. ЦБК и Всесоюзная академия наук // Советское краеведение. 1934. № 8. С. 3–12.
5. Гельгардт Р., Чичеров В. К вопросу об экспозиции фольклора (фольклорно-краеведные выставки-передвижки) // Советское краеведение. 1934. № 11.
6. Гельгардт Р. К вопросу о картографировании фольклора (Очерк первый) // Советское краеведение. 1935. № 1. С. 8.
7. Гельгардт Р. Академик Марр и советское краеведение // Советское краеведение. 1935. № 2. С. 8. Без подписи.
8. Гельгардт Р. Р. О литературном языке в географической проекции // Вопросы языкознания. 1959. № 3. С. 95–101.
9. Гельгардт Р. Р. Избранные статьи. Языкознание. Фольклористика; вступит. статья и ред. С. Г. Бархударова. Калинин: Калинин. гос. пед. ин-т им. М. И. Калинина, 1966. 532 с.
10. Жирмунский В. Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением // Этнография. 1927. Кн. 3, № 1. С. 139–150.
11. Жирмунский В. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Л.: АН СССР, 1929. Т. 3. С. 179–220.
12. Жирмунский В. М. Методика социальной географии (Диалектология и фольклор в свете географического исследования) // Язык и литература. Л.: АН СССР, 1932. Т. VIII. С. 83–120.
13. Личные фонды и коллекции Государственного архива Тверской обл.: Справочник. Тверь: ООО «СФК-офис», 2007. 240 с.
14. Смирнов-Кутаческий А. М. О фольклорной карте // Художественный фольклор. 1929. № 4–5. С. 218–219.
15. Соболев В. С. Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 535–541.

16. Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка (Читано на общем собрании Географического общества 23 января 1851 г.) // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. V. С. 1–24.
17. Строганов М. Рец.: Атлас литературы. 500 лет литературы: от Данте до Солженицына; ред. М. Брэдбери. М., 2005 // Новое литературное обозрение. № 78 (2'2006). С. 416–418.
18. Строганов М. В. Р. Р. Гельгардт-студент // Поэтика и лингвистика: мат. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Романа Робертовича Гельгардта. 16–19 октября 2006 года. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2006. С. 13–17.
19. Строганов М. В. Провинциаловедение, краеведение и прочие региональные исследования: Вместо предисловия // Пространство культуры и стратегии исследования: Статьи и материалы о русской провинции. XX Фетовские чтения (Курск, 15–18 сентября 2005 г.). Курск: Курский гос. ун-т, 2006. С. 3–9.
20. Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М.: Б. и., 2001. 124 с.
21. Ямпольский М. Филологизация (проект радикальной филологии) // Новое литературное обозрение. 2005. № 75 (5). С. 10–23.

**ABOUT THE STUDY OF CULTURE «IN A GEOGRAPHICAL
PERSPECTIVE»
(R. R. GELHARDT)**

M. V. Stroganov

The Tver State University

Research Center of the Tver area studies and ethnography

The article makes an attempt to give a critical survey of the literary heritage of the famous philologist R. R. Gelhardt in connection with the problems of cultural space studies: mapping cultural space, local history as distinct from the other directions of cultural space studies (province studies, regional studies, local texts).

Key words: *space as a culture carrier, province studies, local history, R. R. Gelhardt*

Об авторе:

СТРОГАНОВ Михаил Викторович – доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра тверского краеведения и этнографии Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: mistro@rambler.ru